

УИЛЬЯМ АЛЛЕН

ИСТОРИЯ

УКРАИНЫ

КАРТА
Новороссийской
Губернии
изъ 12 Уездов

ЮЖНОРУССКИЕ ЗЕМЛИ
ОТ ПЕРВЫХ КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ
ДО ИОСИФА СТАЛИНА

Р Н А

Уильям Аллен

**История Украины. Южнорусские
земли от первых киевских
князей до Иосифа Сталина**

«Центрполиграф»

1940

УДК 94(477)

ББК 63.3(2)

Аллен У. Э.

История Украины. Южнорусские земли от первых киевских князей до Иосифа Сталина / У. Э. Аллен — «Центрполиграф», 1940

Британский ученый, работник дипломатической службы, политик и бизнесмен, Уильям Эдвард Дэвид Аллен провел тщательный геополитический анализ украинского региона от Киевской Руси до начала Второй мировой войны. Развитие Украины и ее спорные границы могут быть поняты только при рассмотрении отношений между ею и Литвой, Польшей, Австро-Венгрией, Скандинавскими странами, Османской империей, монгольскими ханствами в Крыму, казаками и гетманами и, конечно, царской Россией, а позже между Германией и Советским Союзом. История Аллена интересна в плане национального вопроса, который терзает многонациональные империи, включая все соседние государства Украины прошлого и настоящего, и который до сих пор является причиной напряженности на Украине.

УДК 94(477)

ББК 63.3(2)

Содержание

Глава 1	7
Влияние географического фактора на русскую историю	7
Южная Россия до прихода славян	9
Происхождение славян	11
Речной мир: хазары и варяги	14
Киевское государство	16
Великая эпоха Киева	20
Византийский дух Владимира Мономаха	24
Конец Киевского государства	27
Примечания и дополнения к главе 1	31
Глава 2	33
Восточная Европа после монгольского нашествия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Уильям Аллен
История Украины. Южнорусские
земли от первых киевских
князей до Иосифа Сталина

Н.М., наполовину украинке, наполовину ангелу

*Сила и гордость – ее облаченье, Не страшно грядущее ей.
И добрые, мудрые фразы Слетают с ее языка.
Так дайте ж ей плод,*

*Что возмужала она,
И собственный труд Пусть прославит ее.*
Пословицы. 31

William E.D. Allen

The Ukraine: A History

Originally published in 1940, this book is a detailed and in-depth study of the history of the Ukraine up to the beginning of WWII. Allen examines the geographical and historical factors behind the development of the...

Глава 1

Речной мир и Киевская Русь (до 1240)

Влияние географического фактора на русскую историю

Россия – страна многочисленных рек. Однако тот факт, что все водные артерии Восточно-Европейской равнины впадают во внутренние моря или в моря, скованные льдом, наложил свой отпечаток на всю историю России. Великие реки Сибири впадают в Северный Ледовитый океан, Двина, текущая на северо-запад, – в Балтийское море. Южные реки Днестр, Днепр и Дон несут свои воды в Черное море, которое соединяется со Средиземным двумя узкими проливами, разделяющими Европу и Азию. Величайшая европейская река России Волга впадает в Каспий, крупнейшее озеро Азии.

Именно густая речная сеть Восточно-Европейской равнины и помогла населявшим ее племенам объединиться в общее государство. На русских реках практически нет порогов – самыми крупными были днепровские¹. Реки широки и медленно текут по обширной плоской равнине. Для того чтобы эти природные артерии превратились в единую систему коммуникаций, необходимо было только одно – приложить человеческий труд. Реки России текут в меридиональном направлении, поэтому ее торговые пути проходили с севера на юг и обратно. Речной путь из Черного моря в Балтийское был известен средиземноморским купцам еще с самых древних времен. Однако густая речная сеть, способствовавшая единому и упорядоченному развитию жизни на Восточно-Европейской равнине, позволяла многим степным завоевателям безо всяких помех вторгаться в ее пределы. Поэтому древняя история этой равнины представляет собой целую серию сменявших друг друга нашествий с востока, запада и севера, а также смешение самых разнообразных влияний. Культуры стран, возникавших на этой равнине, привносились извне и, как свидетельствуют древнейшие источники, были результатом смешения культуры завоевателей, обычно весьма немногочисленных, с культурой покоренных ими местных жителей. Именно так, вне всякого сомнения, возникли средневековые государства Великого Новгорода и Киева, где скандинавские воины и купцы подчинили себе славянское население, находившееся на примитивном уровне развития.

Третьим, самым молодым по времени культурным влиянием в средневековой России стало влияние Москвы. Близость Волги, тесные связи Великого княжества Московского с Золотой Ордой и Монголией, а также влияние ислама придавали особенно мрачный, консервативный оттенок возрождавшейся русской государственности. «Азиатский» характер этой третьей русской культуры очень резко контрастировал с «западной» предприимчивостью «балтийского» Новгорода и «средиземноморским» великолепием южного Киева.

Главным путем, по которому на север проникало влияние Востока, являлась Волга. Культура Хазарского царства, существовавшего в VIII в., испытывала очень сильное влияние персидской, арабской и еврейской культур. Примитивные же племена Волжского бассейна, как подчеркивал Ключевский, находились под влиянием финно-угров. В XII в. меря, весь, чудь и другие исконные жители этих мест были покорены суздальскими князьями. Новая Россия, которая возникла в Великом княжестве Московском и впервые в истории сумела подчинить себе всю речную сеть Восточно-Европейской равнины *изнутри*, очень сильно отличалась от Киевской и Новгородской Руси, поскольку имела гораздо меньше славянских и европейских элементов.

¹ После сооружения Днепровской электростанции эти пороги ушли под воду. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Меридиональным тенденциям русской истории, опиравшимся на речную сеть, противостояли широтные, простиравшиеся с востока на запад. Восточно-Европейская равнина не имеет гор на северо-западе и безо всяких преград тянется от берегов Балтийского моря до Карпат на западе и до Арало-Каспийской зоны пустынь, доходящей до Тянь-Шаня и Хингана, на юго-востоке. Поэтому еще сравнительно недавно великие державы Средневековья Польша и Швеция оказывали сильное давление на неустоявшиеся границы других государств Европы. В древние времена германцы, двигаясь на восток, дошли до берегов Черного моря, и южнорусскими землями целых два столетия управляли готы. На востоке, из пустынь Внутренней Азии, одна за другой накатывались волны нашествий алтайских народов. Вторжение гуннов и аваров в степи Причерноморья, через которые эти народы прошли на своем пути в Центральную Европу, по своим масштабам не уступает монгольским завоеваниям XIII в. Монголы фактически стали последним алтайским народом, который закрепился на Восточно-Европейской равнине прочнее других и на более длительное время. Это объясняется тем, что они усиливали свою беспощадную военную машину умением управлять покоренными народами, которому их научили китайцы и персы.

Таким образом, русские земли всегда были открыты для вторжений с запада и юго-востока. Это порождало хроническое состояние нестабильности и неуверенности в своей безопасности, которое оказало влияние на весь ход русской истории. Неустойчивость границ и частые вражеские нашествия создали в России сложные национальные проблемы. Русское государство московских царей покоилось на реальном географическом единстве, а его создание явилось естественной реакцией на ослабление давления с востока. Но государство, которое первые Иваны слепили из славянских, финских и татарских народов, никогда не отличалось национальным единством. Безгранично расширившись *вовне*, в ответ на враждебное безграничное давление *изнутри*, Российская империя сумела поглотить славянские и неславянские народы, которые исторически тяготели к другим регионам и подчинялись культурным влияниям других стран.

Южная Россия до прихода славян

До прихода славян южнорусские земли населяло множество разных народов. В доисторический период (то есть до появления письменности) здесь процветали разные культуры. Веер рек, раскинувшийся с востока на запад у Черного моря, в который входили Кубань, Дон, Днепр, Буг, Днестр, Прут и Дунай, орошал обширную равнину, которая соединяла азиатский мир с трансдунайским и средиземноморским. В разные периоды истории на всем пространстве от Кавказа до долин верхнего Дуная возникали различные культуры. Общий культурный фон, порождавший единые формы и способы, не всегда, конечно, означал наличие национального единства. Сохранившиеся до наших дней останки людей разного физического типа, а также погребальные обычаи свидетельствуют о том, что сюда мигрировали и здесь проживали самые разные народы.

Первый исторический период в Южной России начался с греческой колонизации, корни которой уходят в VIII в. до н. э. Греки, поселившиеся здесь, вне всякого сомнения, были наследниками древних понтийских талассократий: минойской и микенской. XI, XII и XIII главы «Одиссеи» и легенда об аргонавтах говорят нам о существовании в этих краях более древних культур. Это подтверждается и многочисленными археологическими находками на Кубани.

Греческую понтийскую цивилизацию подробно описали Миннс и Ростовцев. Греки, поселившиеся на северных берегах Черного моря (Понт), обнаружили, что южнорусские степи принадлежали скифам, которые, вероятно, представляли собой аристократию алтайских кочевников. Они говорили на языке алтайской группы и относились к иранской культуре; они подчинили себе множество народов, многие из которых занимались земледелием. Под патронажем скифских вождей расцвело замечательное искусство, возникшее под влиянием греческой, иранской и среднеазиатской культур. Экономика скифов, основанная на скотоводстве и земледелии, дополняла экономику греческих городов-государств, и в течение нескольких веков греческие колонии и скифские вожди Северного Причерноморья богатели за счет процветавшей торговли между степью и средиземноморскими странами. От поставок скифского зерна зависели даже Афины, особенно в годы Пелопоннесской войны. Понтийский регион играл важную роль в политике всего эллинского мира. Пейскер утверждал, что огромная потребность Греции в зерне заставляла кочевников-скифов продавать грекам весь урожай пшеницы, собранный народами Северного Причерноморья, которые им подчинялись. Он подчеркивал, что Геродот объединял под именем «скифы» самые разные племена – кочевые и оседлые, которые имели, очевидно, разное происхождение. Эти племена выращивали зерно «не для питания, а для продажи», и Пейскер не сомневался, что среди этих сельскохозяйственных племен находились и славяне.

Расцвет понтийских городов пришелся на IV в. до н. э., когда Боспорское царство, державшее под своим контролем Керченский пролив (Киммерийский Боспор), закупало зерно, выращенное на полях Придонья и Кубани, и держало в своих руках транзитную торговлю между племенами Северного Причерноморья и народами внутренних районов Азии. Другие города тоже сосредоточили у себя огромные богатства и были населены людьми самых разных племен: Тир – на Днестре, Ольвия (современная Одесса) – в устье Буга, Херсонес Таврический (Севастополь) – в Крыму, Танаис (Азов) – в устье Дона.

Народы, обитавшие по берегам Понта, степные племена, жители греческих городов-государств и владыки Анатолии на короткое время были объединены Митридатом VI Евпатором. Историк Рейнах поведал нам о грандиозных замыслах Митридата, который в ту пору, когда Ганнибал уже потерпел поражение на Западе, еще мечтал завоевать Восток. Однако сделать это Митридату не удалось, и наследниками греческих владений в Северном Причерноморье

стали римляне. К тому времени эллинско-скифский союз уже распался. Во II в. до н. э. сравнительно долгий мир в степи был нарушен вторжением кочевых сарматов, которые говорили, вероятно, на языке иранской группы и жили восточнее Дона. Их потомками являются, по-видимому, осетины Центрального Кавказа. Сгнав скифов с принадлежавших им земель и поглотив их, дикие сарматы двинулись по степи на запад. Древнее экономическое единство южнорусских земель распалось. Жители Херсонеса, Ольвии и Тира теперь могли чувствовать себя в безопасности только под защитой мощных крепостных стен и римского гарнизона. В I–II вв. Римская империя вела борьбу с сарматами на Дунае, которая потребовала напряжения всех ее сил. Победа Траяна над этими варварами была увековечена в барельефах, которые украсили колонну Траяна в Риме – на ней можно увидеть изображение сарматов.

В течение II и III вв. сарматов разбили германские готы и герулы. Боспорское царство пало; Херсонес Таврический был окружен, а Тир и Ольвия – разрушены. Царство готов просуществовало два века и «стало единственным некоем образованием в истории степи». В конце IV в. в движение пришли азиатские орды. Готов разгромили гунны – первые алтайские племена, которые вторглись в страны Древнего мира. За ними пришли болгары, авары, хазары, мадьяры, печенеги, кипчаки и монголы. «Подобно бурану, свирепой степной буре, эти орды сметали с насиженных мест своих предшественников и гнали их на цивилизованные страны Европы, истребляя живших в степи славянских крестьян. Они прошли через зону лесостепи, грабя и убивая ее население, поэтому славянам пришлось покинуть эти земли и переселиться в Полесье» (*Миннс Э.Г.* Скифы и греки в Южной России).

Происхождение славян

С доисторических времен до XV в. кочевники играли решающую роль в истории Южной России, а в Центральной Европе их жестокие опустошительные набеги влияли на течение европейской истории в V–XIII вв. Многие проблемы современной Европы зародились еще в те времена, когда орды азиатских кочевников вторгались в пределы славянских и германских государств.

Пейскер в своем блестящем труде «Кембриджская история Средневековья» сравнивал два расовых источника, сочетание которых сформировало население России и большей части Центральной и Юго-Восточной Европы.

«Кочевники азиатского происхождения, – по мнению Пейскера, – относятся к алтайской ветви урало-алтайской расы. . .

Все говорит о том, что местом возникновения племен конных кочевников являются Турано-Монгольские степи и пустыни. Именно они своими гигантскими размерами, неслыханной суровостью климата, невозможностью пасти скот летом, соленой растительностью, кормящей бесчисленные стада, и, прежде всего, неразрывными экономическими связями с далеким, обильным травой севером, – именно они породили народ с неискоренимыми привычками конных кочевников».

В отличие от алтайских кочевников славяне всегда были мирными земледельцами и становились неизбежными жертвами азиатских конных грабителей, а также скандинавских речных пиратов и торговцев. По мнению Прокопия, славяне считались не злобными и дурными людьми, а, скорее, безобидными и наивными. Морис писал о них так: «Они легко переносят жару, холод, сырость, отсутствие одежды и голод и по-дружески относятся к чужеземцам». Адам из Бремена указывал, что не встречал более гостеприимных людей, чем померанские славяне.

Вместе с балтами (литовцами, латвийцами и древними пруссами) славяне входили в балтославянскую группу индоевропейской семьи. Их язык имел много общего с германскими и иранскими языками: «Разделение балтославянского языка на древнебалтийский и древнеславянский, а потом древнеславянского на славянские языки было вызвано, с одной стороны, изоляцией различных племен друг от друга и, с другой, – взаимной ассимиляцией и влиянием связанных между собой диалектов и несвязанных языков. Дело здесь не только в общей генеалогии, но и в особенностях исторического и политического развития».

Вопросу о том, где находилась родина славян, посвящено множество книг. Пейскер разделяет точку зрения польского ботаника Ростафинского, основанную на данных биогеографии, свидетельствующих о том, что отделение славян от балтов произошло еще в доисторическую эпоху в районе Полесья. Это была огромная заболоченная равнина, образующая неправильный треугольник, в вершинах которого находятся современные города Брест-Литовск, Могилев и Киев.

Первоначально славяне, как и германцы, не имели общего имени; по мнению Пейскера, правильнее называть славян словенами (единственное число – словенин); вероятно, это название означало «жители *словы*». Другая версия гласит, что название «словене» произошло от существительного «слово», в противовес славянскому наименованию «немец», которое означало «немого человека», не понимавшего, о чем ему говорят. Название «словене» относилось первоначально лишь к одному из крупных племен. Восточные римляне сначала вошли в контакт с частью этого племени и назвали все другие славянские племена, обитавшие севернее Дуная, «склавенами» или «стлавенами».

Пейскер показал нам, как природные условия солончаковых пустынь Азии сформировали дикого конного кочевника. И подобно тому, как этот кочевник был сыном и продуктом

аридных пустынь, так и славянский рыбак-крестьянин стал сыном и продуктом заболоченных лесов: «Славянин и конный кочевник, как и земли, где они родились, представляют собой две полные противоположности, и лишь по убийственной иронии судьбы они сделались соседями. Первый представляет собой мягкую наковальню, второй – крепкий как сталь молот. Когда же в игру вмешался еще один, не менее тяжелый, молот (германский), наковальня оказалась полностью расплющенной» (*Пейскер Т.* Кембриджская история Средневековья. Т. I. Гл. XII: Азиатский фон). Но мне кажется, лучше было бы употребить другое сравнение: стальной молот, твердая наковальня и мягкое железо между ними.

Пейскер проанализировал фундаментальное отличие германской экспансии от славянской: «Сухие и сравнительно плодородные лесные земли богаты пригодными для обработки почвами, поэтому перенаселить их очень трудно. Вот почему люди создают в таких местах общества и государства. Но у болота примитивный человек не может отвоевать ни фута земли: он осушает его, создавая запруды и превращая мелкие речушки в большие пруды, изобилующие рыбой. Поэтому по мере того, как участки обрабатываемой земли сокращаются, население сгущается в одном месте. Сухие лесные земли делают тех, кто на них живет, сильнее, зато на заболоченных землях люди постепенно вырождаются. Однако лесные почвы нельзя эксплуатировать бесконечно: если, сняв урожай, на поля не вывозят навоз или не оставляют их под паром, – иными словами, если почва истощается, – то прокормить растущее население она уже не может, что порождает миграцию или захват соседних земель. Миролюбивые обитатели болот не могут никого завоевать и лишь постепенно переселяются туда, где им не оказывают сопротивления. В этом-то и заключается разница между экспансией германцев и экспансией славян. Германская экспансия была взрывчатой, как вулкан, славянская же напоминала медленное просачивание или медленное затопление соседней территории. Некоторые германские племена покинули свою родину: в поисках нового дома они сгоняли со своих земель соседей, а те, в свою очередь, сгоняли своих, и так продолжалось до тех пор, пока в движение не пришло все полушарие и не разбились на кусочки многие сильные государства, не погибли могучие народы и не распалась даже Римская империя. А что же славяне? Они заняли и густо заселили гигантские территории, а летописи этого даже не заметили. И сейчас мы задаем себе вопрос: как же это могло произойти столь бесшумно и откуда взялись бесчисленные миллионы славян?»

Таким образом, славяне появились на исторической арене во время Великого переселения народов – их земли завоевывали и разоряли германцы; алтайские кочевые народы тоже убивали славян и сгоняли их задолго до IX в. К тому же обитатели заболоченных лесов, которые тянулись по берегам великих рек, страдали от набегов скандинавских пиратов. В это время начали возникать германо-славянские и алтайско-славянские государства. В III в. появилось Германское государство на Днепре. Но алтайские народы создавали великие империи и тащили за собой согнанных с насиженных мест славянских крестьян в Центральную и Юго-Восточную Европу. В V в. от берегов Дона до нижнего Рейна простиралась империя гуннов; в VII в. от Балтийского моря до Пелопоннеса господствовали авары. Центральной Европой, лежавшей между Адриатическим и Эгейским морями и Карпатами, сменяя друг друга, владели сначала болгары, а потом и мадьяры. Но от великих алтайских империй, канувших в Лету, остались многочисленные славянские племена, которые они с собой привели, создавшие земледельческие государства на землях, отвоєванных кочевниками у римлян и германцев.

Пейскер пишет, что в Аварской империи и правящий класс аварских кочевников, и их язык были поглощены покоренными ими славянами и даже после ее гибели представители этого класса продолжали существовать под славянскими именами. Аналогичное социальное явление мы увидим позже и в Варяжско-Скандинавской империи, выросшей на землях Южной России.

Первые славянские государства Центральной Европы появились после крушения Аварской империи в первом десятилетии VII в. Она погибла в результате восстания славянских земледельческих масс. Эти государства возглавляли крестьянские вожди; известно, что первые короли Словенской Каринтии, а также богемские Пржемыслы и польские Пясты были выходцами из крестьян. В самых разных географических условиях, подвергаясь разнообразным культурным влияниям, смешавшись с соседними народами, западные славяне превратились в европейцев и образовали отдельные нации. А тем временем племена, которым удалось спастись от великого алтайского нашествия и отсидеться в болотах и лесах на берегах своих рек, размножились и расселились по широким нетронутым равнинам России, определив ее судьбу. В VII в., после свержения Аварской империи в Центральной Европе, племена восточных славян расселились по берегам Днепра. В следующем веке они заняли долины его притоков вплоть до верхнего течения Западной Двины, а к началу IX в. полностью освоили озерную область, которая в будущем превратилась в Новгородскую землю.

Речной мир: хазары и варяги

В великом промышленном и коммерческом возрождении земель Средиземноморья и Среднего Востока, которое было вызвано социальной и нравственной революцией, порожденной распространением ислама, вне всякого сомнения, очень важную роль сыграло открытие речной сети Восточно-Европейской равнины. Почти одновременно с завоеванием арабами Персии и восточной части Кавказа на Волге возникло Хазарское царство. Хазарский каганат по своему характеру был очень похож на более ранние Скифское и Сарматское царства, где правящий класс кочевников – у хазар, несомненно имевших алтайское происхождение, – управлял землями, населенными самыми разными народами, оседлыми и кочевыми. И арабы для хазар стали почти тем же самым, чем греки для скифов. В VIII в. укрепленный лагерь хазар, разбитый там, где Волга ближе всего подходит к Дону, превратился в многонациональный город Итиль. Здесь же обитали и мирно торговали под защитой хазарского кагана люди самых разных народов. Здесь селились представители четырех частей Евразии: язычники финны и славяне, греки, армяне и грузины, исповедовавшие христианство, евреи и мусульмане из Ирана и арабских стран. Существует предположение, основанное на свидетельствах одного или двух мусульманских путешественников, полученных ими из вторых рук, что хазарский каган принял иудаизм. В своем исследовании Грегуар подверг критике эту версию, однако нет никаких сомнений, что евреи, превратившиеся в самых активных торговых агентов халифата, пользовались в Хазарском каганате очень большим влиянием. Вполне возможно, что хорошо заметные монголоидные черты у восточноевропейских евреев, особенно на Украине, в Польше и Румынии, появились в результате смены вероисповедания и смешанных браков, которые, несомненно, были весьма распространены в многочисленных торговых городах Хазарии.

В VIII в. правители Хазарии вынашивали обширные политические планы; каганы оказывали огромное влияние на политику государств Причерноморья и вели с византийскими императорами переговоры на равных. Правящие династии Итиля и Константинополя заключали между собой браки. Одновременно, несмотря на свою частичную зависимость от торговли с мусульманскими городами Ирана, Ширвана и Ирака, каганы не боялись оспаривать у калифов право контролировать Дербент и Восточный Кавказ.

Хазары жили по берегам рек, впадавших в Каспийское и Черное моря. В VII в., очевидно, уже существовал Великий Волжский путь. По Каме, где обосновались болгары, шла торговля с Уралом и Сибирью. По притокам Волги можно было добраться до рек, текущих на северо-запад, а оттуда – в Ладожское озеро. Из этого озера по Неве спускались в Балтийское море.

О пути, шедшем на юг и восток, хорошо знали скандинавы. Среди финских племен, обитавших по берегам озера Ильмень, Ладожского и Белого озер и на Верхней Волге, появились скандинавские поселения, имевшие одновременно торговый и военный характер. Скандинавы, эти бесстрашные варяги, предлагали свою защиту торговым флотилиям, спускавшимся по речным путям в сторону Хазарии или шедшим им навстречу в Балтийское море. Хазарское царство в эпоху своего расцвета предоставляло всем своим торговым «гостям» свободу торговли.

Практически одновременно с этим славяне расселились по берегам озера Ильмень и вдоль реки Днепр; это помогло скандинавам найти новый, расположенный западнее путь на юг, который позволил им торговать с Византией напрямую, минуя реки, находившиеся под контролем хазар.

В IX в. был создан знаменитый путь «из варяг в греки». Из Балтийского моря торговые караваны шли по Неве в Ладожское озеро, а оттуда по реке Волхов – в озеро Ильмень, затем спускались по реке Ловать до притоков Западной Двины. Преодолев все препятствия в виде сложной системы волоков, они поднимались по Западной Двине туда, где она близко подходит к Днепру. Там варяги по небольшим рекам перебирались в Днепр и плыли до самого Черного

моря. Таким образом, чтобы добраться до моря, по которому шел путь в столицу Древнего мира, варягам приходилось преодолевать огромные трудности и терпеть лишения. «Золотой Царьград» славян, манивший своими богатствами алчных варягов, подобно тому как в будущем легенда об Эльдорадо поманит их потомков за океан на завоевание новых континентов, лежал за бесчисленными реками.

Поселения славян, возникшие по берегам рек, позволили им проникнуть в те земли, которые не были еще ими освоены. А великий водный путь, по которому ходили варяги, стал тем самым звеном, что соединило между собой славянские племена, рассеянные по Великой Русской равнине. Вдоль этого пути и возникло Русское государство.

Варяги позаимствовали у хазар идею создания на реках торговых городов. Были построены города: Киев – на Днепре, Новгород – на озере Ильмень, а позже и другие². Это были города «Руси». Никто никогда не называл Киев городом полян, Новгород – городом словен, а Смоленск – городом кривичей. Финны называли людей, приплывавших к ним по Балтийскому морю, «руоци». Славяне именовали варягов словом «Русь» – это название они позаимствовали у финнов. Его использовали также хазары, арабы и византийцы; с тем же самым значением оно проникло и в Западную Европу.

Во второй половине IX в. варяжские правители появились почти одновременно в Новгороде, Полоцке на Западной Двине и в Киеве. Олег (Хельги), которого традиционно считают основателем «варяжско-русского» государства в Киеве, был типичным «конунгом» викингов, которые перемежали торговлю с войнами. Он оттеснил к Дону хазар, дошедших до Днепра и собиравших дань с местного славянского населения. Тем не менее он продолжал торговать с Хазарским каганатом, используя «Хазарский путь», шедший по Десне, левому притоку Днепра, далее по ее притоку Сейму и по небольшим рекам, впадавшим в Донец, приток реки Дон.

Точно так же Олег воевал и торговал с греками. Поход 911 г., который привел его под стены Константинополя, оказался удачным не столько из-за того, что войско взяли богатую добычу, сколько потому, что князю удалось заключить с Византией торговый договор, определявший права и привилегии «русских» купцов.

После Олега правили Игорь (Ингвар) и его талантливая и энергичная жена Ольга (Хельга), которые продолжили дело варягов на юге России. Военные действия Игоря в Византии не принесли особых успехов, но ему удалось в 945 г. заключить новый торговый договор с греками. Среди подписей, поставленных под ним, находим подписи послов Игоря и Ольги, их сына Святослава, некоторых удельных князей и русских купцов. Скандинавские имена по-прежнему преобладают, но сын Игоря и Ольги Святослав уже носит славянское имя. Фактически он был последним скандинавским «конунгом».

Все правление Святослава прошло в непрерывных войнах. Он ходил в походы против камских болгар и Хазарского каганата, который разгромил. Этим он оказал плохую услугу новорожденному Киевскому государству, ибо ослабленное поражением Хазарское царство не могло уже служить преградой на пути алтайских кочевников. В Причерноморских степях появилась новая орда степняков, диких разбойников печенегов (греки называли их пацинакитаями), которые включали в себя, вероятно, алтайские и северокавказские племена. Пока Святослав воевал далеко на Дунае, сначала с болгарами, потом и с греками, они дошли до Днепра и чуть было не взяли Киев. Потерпев поражение в битве с византийским войском, он вынужден был заключить договор, по которому обязался поставлять в Византию зерно. Возвращаясь в Киев, он попал в печенежскую засаду и был убит.

Таков был варяжский пролог к истории Киевской Руси, которая в течение XII в. с почти невероятной скоростью достигла своего наивысшего расцвета.

² По мнению русских историков, Киев и Новгород существовали еще до прихода варягов.

Киевское государство

При Владимире Святом (980—1015) и Ярославе Мудром (1019—1054) Киевская Русь – совершенно необычный и даже странный исторический феномен – менее чем за столетие превратилась в мощное и процветающее государство. Историк Ростовцев, изучавший греческие и иранские связи Южной России, не устоял перед искушением закончить свою работу такими словами: «Огромная разница, которая существовала между Киевской Русью и Западной Европой, до сих пор остается необъяснимой. На Западе – сельское хозяйство и феодализм, на Руси – торговля и города-государства».

Изучение греко-скифской торговли позволило историкам понять истинную природу нового государства, которое с помощью скандинавов создали восточные славяне. Особенности Киевской Руси никак нельзя объяснить греко-иранским влиянием, можно – ее географическим положением, природными условиями, которые со времен греко-иранского периода совсем не изменились. Торговля, которая вызвала к жизни греко-иранскую колонизацию, позже привела к возникновению Киевской Руси и определила характерные черты этого государства. Историк Ключевский называл его «городской и торговой Русью», в отличие от «княжеской и сельскохозяйственной Руси», которая возникла в конце XIV или в первой половине XV в. на Севере, в междуречье Волги и Оки.

Владимир Святой и Ярослав Мудрый являлись киевскими князьями X–XI вв. и до определенной степени оставались еще варягами. А те, по мнению Ключевского, были всего лишь «вооруженными торговцами». Киев смотрел на князя как на «наемного военачальника», главной задачей которого считалось «заботиться о безопасности Русской земли и воевать с язычниками». Во время княжения Святослава киевляне были им недовольны, потому что полагали, что он не выполняет своих обязанностей. Он ушел в далекий поход и бросил Киев на произвол судьбы, и городу пришлось самому обороняться от печенегов: «Князь, ты ушел в чужие земли и забыл о своей собственной». Таким образом, город мог одобрять и осуждать своих правителей. После смерти Святослава киевляне не захотели, чтобы их князем стал Ярополк, а предпочли Владимира. Во время борьбы за Киев после смерти князя Владимиро-Святополк, опасаясь, что его прогонят, «созвал людей и стал наделять мехами одних, а деньгами – которых он раздал великое множество – других». Новгородцы однажды попросили прислать им (для обороны города) князя, которого они «вскормили и воспитали для этого».

Подобные отношения между горожанами и князем свидетельствуют о том, что в городах, стоявших на берегах рек, сложился мощный слой торговой аристократии. В отдельных случаях горожане могли принимать самостоятельные решения, не обращая внимания на князя

или даже выступая против него. Такие решения принимало вече, или «общее собрание» жителей города. Оно имело свои законы и обычаи. Перед тем как созвать людей на вече, влиятельные группы горожан собирались в более узком кругу и обсуждали тот или иной вопрос. После этого на площади собиралась большая толпа, состоявшая из жителей разных кварталов города. Теоретически на вече право голоса имел каждый гражданин, но в реальности к голосу толпы прислушивались довольно редко. Вече функционировало под руководством нескольких влиятельных горожан. Они собирали его только тогда, когда были уверены, что люди их поддержат, или, если быть более точными, «одобряют» принятые ими решения. То, что вече становилось главной властью в своей земле, подтверждают слова летописца: «Новгородцы с самого начала, так же как и жители Смоленска, киевляне и жители Полоцка и все, кто имел власть, шли на вече как на совет, и младшие города постановляли то, что было на уме у старших городов».

Некоторые русские историки поддались искушению считать вече Киева и Новгорода странным и отдаленным эхом городских собраний афинской демократии. Однако вряд ли за тысячу лет варварства на южных землях Руси могли сохраниться хотя бы смутные воспоминания об эллинских городах Понтиды. Отдаленное сходство между городами-государствами средневековой России с эллинскими республиками Причерноморья можно объяснить лишь единством материальных условий, обусловивших сходство социальной организации – торговую олигархию, основанную на общем собрании народа.

Торговые пути из Киева и Новгорода в Царьград, тянувшиеся на 4 тысячи километров по диким лесам и степям, требовали защиты, а это породило синтез варягов и славян. Мирная торговля недолго чередовалась с военными набегами первых варяжских «конунгов» Киева. Со временем сочетать торговлю с пиратскими набегами стало очень трудно – особенно в X и XI вв., когда Византия обрела под властью Македонской династии новую силу. Уже к середине X в. в Киеве появилась большая греческая колония. В то же самое время здесь была построена первая христианская церковь – церковь Святого Ильи, поскольку среди киевских купцов и варяжских дружинников князя многие приняли христианство. Княгиня Ольга тоже была христианкой; в 957 г. она в сопровождении большой свиты посетила Константинополь, где была принята императором. Владимир просто выразил общие устремления того времени. Воюя с греками под стенами Херсонеса, он уже мечтал о союзе с императорской семьей, встретился сам и обратил в новую веру жителей Киевского княжества, объявив христианство государственной религией. Другие русские государства, расположенные по берегам рек, не замедлили последовать его примеру. Вернувшись после Херсонесской кампании, Владимир привез с собой в город греческих священников, художников, церковную утварь и книги. Он приказал доставить в Киев две бронзовые квадриги, которые должны были украсить его столицу. Это было похоже на то, как крестоносцы, завоевавшие позже Константинополь, вывезли из него в Венецию «жеребцов святого Марка».

Намерения Владимира не оставляли сомнений – он хотел, чтобы Киев стал вторым Константинополем. Он отказался от дальнейших набегов на Византию и занялся защитой границ Киевской Руси от вторжений печенегов и обеспечением безопасности речной торговли. Чтобы получить для этого средства, он обложил данью обитателей лесов и степных жителей. Владимир любил повторять: «Как жаль, что вокруг Киева так мало городов!» Возникали новые города, а те, что уже имелись, разрастались и богатели. Русь XI в. – это не только Киев и Новгород, Смоленск и Полоцк, расположенные на великом пути «из варяг в греки». Недалеко от Волги стоял город Ростов, а на Оке – Муром, на Десне, охраняя Хазарский путь, вырос Чернигов, на левом берегу Днепра, в районе зарождавшегося степного сельского хозяйства – Переяслав, а среди Волынских лесов – Владимир. Однако главным городом Руси, столицей великого княжества оставался Киев, «мать городов русских». Верховенство Киева воспевалось в былинах и легендах; оно было настоящим и сложилось уже давно. Киев являлся главным среди русских городов и в трансконтинентальной торговле на Восточно-Европейской равнине.

Сыновьям своим Владимир завещал не земли, а города, в зависимости от того, насколько они приближались к городу его мечты – Царьграду. Своему старшему сыну, Ярополку, он отдал Киев; второму, Святополку, – Чернигов; Всеволоду – Переяслав; Ярославу – Новгород; Борису – Ростов; Глебу – Муром, а самому младшему, Мстиславу, – далекую Тьмутаракань на Азовском море. Такова была иерархия русских городов в начале XI в. (однако из этого списка нужно исключить Смоленск и Полоцк, поскольку там правили князья, не принадлежавшие к семье Владимира).

Святополк убил троих своих братьев, и все русские города восстали против него. Он закрепился в Киеве с помощью Болеслава Храброго, первого сильного польского короля, но Ярослав явился в Киев со своими новгородцами. Следует подчеркнуть, что это не Ярослав привел с собой новгородцев, а скорее, они привели его с собой в качестве военачальника. Потерпев поражение в своей первой попытке взять Киев, Ярослав растерялся и хотел бежать на ладье за море «к варягам». Но, если верить летописцу, «посадник Константин, сын Добрыни, с новгородцами рассекли ладьи Ярослава, так говоря: „Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком“». Город Новгород собрал деньги, нанял варяжскую дружину и собрал ополчение. Новгородцы не успокоились, пока не разгромили Святополка, не заняли Киев и не провозгласили Ярослава великим князем и правителем Киева. Эта история красноречиво свидетельствует о единстве мыслей и чувств жителей русских речных городов-государств в XI в.

Великая эпоха Киева

Под властью Ярослава Мудрого (1019–1054) культура Киева расцвела с необыкновенной быстротой. Западные путешественники XI в. – Дитмар из Мерсебура и Адам из Бремена писали, что в городе были сотни церквей и восемь больших рыночных площадей. Киев стал великой метрополией, стоявшей между севером и югом, иными словами, между греческим и балтоскандинавским мирами. Торговля развивалась и в широтном направлении – с запада на восток, между Германией и недавно появившимися славянскими королевствами Польши и Богемии, волжскими и кавказскими государствами и мусульманским миром. Появление еврейских и польских кварталов в Киеве, а также колоний армянских купцов и торговцев других восточных стран свидетельствовало о бурном развитии торговли запада с востоком. Особенно интересны культурные связи Киева с борющимися кавказскими государствами Грузии и Армении. На заполненных людьми улицах Киева звуки, доносившиеся из тысяч ремесленных мастерских, сливались с шумом и гамом, царившими в лавках. Торговля вела к познанию окружающего мира, накоплению богатств и зарождению искусства. Адам из Бремена написал настоящий панегирик в адрес Киева: «*Aemula sceptri Constantinopolitani et clarissimum decus Graeciae*».

Ярослав был типичным государем эпохи расцвета в раннем Средневековье. В 1037 г. он заложил в Киеве собор Святой Софии. Через несколько лет греческие мастера и их русские ученики украсили его (а также множество других церквей и монастырей) мозаикой и фресками. На стенах Святой Софии в Киеве до сих пор сохранились изображения князя Ярослава и его семьи. Стены приделов украшены фресками с изображением охоты Ярослава и празднеств при княжеском дворе. На одной из стен сохранился портрет жены князя Ингигерды, шведской принцессы; рядом с ней стоят ее дочери: Елизавета, будущая королева Норвегии, жена Харальда Хардрада, прославившегося своими подвигами на Востоке, которому суждено было погибнуть у Стемфорд-Бридж в битве со своим противником, английским королем Гарольдом Годвинссоном, убитым вскоре после этой битвы. Здесь же мы видим и Анну, будущую королеву Франции, и Анастасию, будущую королеву Венгрии. Ярослав желал породниться со всеми дворами Европы: он женил своего старшего сына на сестре Казимира, польского короля, который сам женился на сестре Ярослава³. Однако киевскому князю не удалось выдать свою дочь за императора Генриха III.

Киев был богат, и владыки западных дворов XI в. охотно вступали с ним в союз. После смерти Ярослава между его сыновьями вспыхнула междоусобица, и один из них, Изяслав, бежал к германскому императору, надеясь получить от него помощь. Он привез с собой такие богатые дары, что немцы были потрясены. «Никогда, – писал один из немецких хронистов, – не видела Германская земля столько золота, столько серебра и такого обилия дорогих тканей».

Во времена правления Ярослава при его дворе в Киеве жило много высокородных беглецов: норвежский король Олаф и его сын, которых Кнут Великий, узурпировавший трон, изгнал из страны; принцы Этельред и Эдвард, которому в Англии позже присвоили прозвище Исповедника. В Киеве нашел приют и претендент на венгерский престол, и Ярослав выдал за него свою дочь Анастасию.

Многонациональный княжеский двор в Киеве читал книги и получал от этого удовольствие; здесь хорошо знали иностранные языки. В русских школах учились не только мальчики, но и девочки – совершенно неслыханная для Европы того времени вещь. Дочери Ярослава поражали всех, кто с ними общался, своими обширными познаниями. В монастырях,

³ Другой сын Ярослава, Всеволод, стал мужем византийской принцессы, дочери Константина Мономаха: от этого брака родился Владимир Мономах.

особенно в знаменитой Печерской лавре, ученые монахи переводили греческие книги и переписывали болгарские: «Жития святых», исторические хроники, так называемые «Изборники», или «Собрания», которые представляли собой энциклопедии того времени; «Космографию» Козьмы Индикоплова, греческие повести – «Роман об Александре», «Троянскую войну», «Сказание о Варлааме и Иосафате» (современные ученые считают, что это популярное описание жизни Будды, попавшее в Европу из Индии через Иран и Грузию). Из-под пера иерархов русской церкви, которой не было тогда еще и ста лет, выходили тексты служб, послания и полемические записки.

При княжеском дворе Ярослава был составлен первый письменный свод русских законов – Русская Правда. Этот свод отражает весьма своеобразный образ жизни русских людей, для которых он и предназначался. Несмотря на огромное влияние византийского законодательства на тогдашний мир и на теснейшие торговые и культурные связи между Византией и Киевом, законы Киевской Руси не имели никакого сходства с законами Византийской империи, а отражали скорее образ мышления скандинавских народов. Русские законы являлись более гуманными, чем законы современных им восточноевропейских государств, – на Руси не было смертной казни, а также самых жестоких форм телесных наказаний, которые царили в Византии и во всем восточном мире. Это законодательство оказалось приспособлено для нужд и образа жизни высокоразвитого торгового сообщества. Деревня в Русской Правде осталась в тени, поскольку имела подчиненное положение. Основное внимание уделялось жителям городов; законы касались их интересов и взаимоотношений. Однако собственность человека ценилась выше, чем он сам, его благополучие или личная безопасность. Человеческая личность трактовалась в целом в связи с его собственностью и накопленными деньгами. Русская Правда – это, главным образом, законодательство капитала (Ключевский). Такой кодекс смог появиться так рано в истории культурного организма только потому, что с самого начала основанием всей социальной структуры была торговля, а интересы господствовавшей варяжской торговой олигархии преобладали над всеми другими.

Торговлю Киевской Руси в X в. подробно описал император Константин Багрянородный (Порфирогенет). Зимой варяжские князья занимались сбором дани со славян, а также разных товаров, которые они в следующем году собирались везти на продажу. Весной на Днепре ниже Киева скапливались огромные флотилии судов. С севера – из Новгорода и Смоленска – приходили лодки с товарами из этих земель. Потом весь этот огромный флот спускался по Днепру до порогов, где суда вытаскивали на берег и волоком тащили до чистой воды. Оттуда выходили по Днепру в море и направлялись в пролив Босфор, держась все время вблизи берегов, чтобы, если начнется шторм, укрыться в заливах. Каждое судно перевозило более 2 тонн груза, а также 30 или 40 человек торговцев, их свиту и рабов.

В XI в. торговля продолжала развиваться, а ее методы улучшались. В Херсонесе в Крыму и поселениях в дельтах Днепра и Дуная появились промежуточные порты. Сюда приходили греческие парусные корабли, построенные специально для плаваний в открытом море, вдали от берегов. Византийцы закупали русские товары и отвозили их в Константинополь. В противном случае бесперебойное снабжение его зерном было бы невозможно. Столица Византии, как в свое время Афины, полностью зависела от экспорта русского зерна. Кроме того, русские купцы экспортировали в Византию и страны Леванта огромное количество рабов. В греческой легенде XI в. о святом Николае говорилось, что тот, кто хочет купить себе раба, должен «пойти на рынок, где русские купцы продают их толпами». Так стародавняя торговля рабами, процветавшая в скифской степи, была продолжена киевскими варягами, а в более поздние времена кипчаками и монголами, которые в качестве посредников использовали в основном генуэзцев и турок. Рабами в эпоху Киевской Руси становились главным образом попавшие в плен степные кочевники, а также представители финских и славянских племен, обитавших в лесах по притокам главных рек.

Важными статьями экспорта были лошади, крупный рогатый скот, меха, продававшиеся в огромных количествах, а также мед и воск, на которые в те времена существовал огромный спрос. В подвалах киевской торговой аристократии хранились тысячи бочек с медом.

Торговля связывала северные и южные города Киевской Руси, то есть являлась меридиональной, поскольку основные коммерческие пути протягивались в меридиональном направлении. Единство севера и юга оказывалось в каком-то смысле более тесным, чем расовое или географическое единство; оно было жизненно необходимым. Поэтому анализировать исторические судьбы юга и севера Руси в XI в. изолированно значило бы погрешить против очевидной истины. Союз севера и юга могли нарушить лишь силы, действовавшие в широтном направлении – с запада на восток и с востока на запад, но во времена Ярослава и его сыновей они были еще очень слабы. Время господства мажарских кочевников ушло в прошлое, а Польша не набрала еще нужной мощи, поэтому тогда именно русские вторгались в земли, лежавшие западнее Волыни и Полоцкой земли. Печенегов и торков считали относительно безобидными, а новые орды алтайских кочевников вроде куманов (кипчаков), которых русские называли половцами, еще не появились.

Первая угроза единству Киева и Новгорода возникла из-за княжеских междоусобных войн, разразившихся после смерти Ярослава. Эти войны были результатом весьма странного порядка наследования, от которого не хотел отступать даже такой мудрый князь, как Ярослав. Ключевский и другие русские историки уделили много внимания исследованию этого порядка, который не имел аналогов в Западной Европе. Ярослав постановил, что его сыновья должны добираться до самых высших постов в государстве, поднимаясь один за другим по ступенькам своеобразной «лестницы». Киев, столица великого княжества, достался старшему из сыновей. Другие сыновья в соответствии с их возрастом получили города в следующем иерархическом порядке: Новгород, считавшийся вторым городом в стране, перешел во владение второго сына. За Новгородом шли Чернигов, Переяслав и другие. После смерти старшего сына на трон в Киеве садился не его сын, а следующий из братьев. Все другие братья автоматически перемещались вверх по ступенькам «лестницы»; причем каждый наследовал город, принадлежавший тому брату, который шел следующим по старшинству. Это «пересаживание» из города в город происходило всякий раз, когда в Киеве умирал великий князь. Сыновья всех великих князей начинали свою «карьеру» на самых нижних ступеньках «лестницы» и передвигались по ней вверх после смерти очередного дяди. Сыновья князей, которые не правили Киевом (то есть сыновья младших братьев великого князя), полностью лишались права на Великое киевское княжение и считались «изгоями». Легко себе представить, какие ссоры разгорались при таком порядке наследования. Однако эта система имела глубокий смысл – создавала такой порядок, при котором ни один князь не имел своего *собственного* города или земли, а был лишь помощником великого киевского князя с правом сбора дани с населения своего удела. Таким образом, Русская земля находилась в совместном владении всей княжеской семьи. Ярослав установил не столько порядок наследования, сколько систему заполнения освободившихся вакансий в разных отделах коммерческой фирмы. Самый почетный и самый доходный пост должен был по праву принадлежать самому компетентному правителю, а в те времена (когда люди редко доживали до старости) главным критерием его авторитета считался возраст.

Обстоятельства, однако, показали, что старшинства по возрасту явно недостаточно для тех, кто судил о компетентности князей на своем собственном опыте. В 1068 г. киевляне решили изгнать Изяслава, старшего сына Ярослава; после этого они и не подумали призвать следующего по старшинству сына, а пригласили Всеслава, принадлежавшего к совсем другой княжеской семье, правившей в Полоцке. Изяслав с помощью поляков вернул себе Киев, но через пять лет его снова изгнал более талантливый брат Святослав II. Изяслав обратился за помощью к германскому императору Генриху IV и даже к папе Григорию VII. После смерти Святослава Изяслав в третий раз сел на киевский престол, но продержался на нем всего лишь

два года. Он погиб в борьбе с сыновьями Святослава, которые считались «изгоями», потому что их отец правил Киевом вопреки лествичному праву. В 1078–1093 гг. великим киевским князем был третий сын Ярослава, Всеволод I, который подчинил себе не только Киев, но и Чернигов, Переяслав, Смоленск и Суздаль.

Распространение власти Всеволода на те города, которые занимали более скромные места в иерархии русских городов, несомненно, было оправдано необходимостью сосредоточить все силы для борьбы с новыми кочевыми ордами, пришедшими с востока, – половцами. Они уничтожили остатки Хазарского каганата и захватили земли, лежавшие западнее его. Уже в 1058 г. русские войска потерпели первое поражение в битве с половцами, а к концу XI в. земли Чернигова и Переяслава стали ежегодно подвергаться их набегам.

Необычный и уже забытый мир Варяжской Руси, Византийской Азии и кавказских царств приближался к своему кризису. Нашествие куманских кипчаков (половцев) на территории, расположенные к северу от Каспийского и Черного морей, совпало по времени с захватом кавказских земель и Малой Азии турками-сельджуками. Алтайские кочевники из пустынь Центральной и Северо-Восточной Азии снова пришли в движение. В 1054 г. половцы появились у границ Руси, в 1070 г. они перешли через Карпаты и в 1090 г. были уже на Дунае. В 1070 г. Восточно-Римская империя получила смертельный удар от сельджукского вождя Альп Арслана с битве при Марцикенте. Не прошло и трех десятилетий после этого, как в Левант вторглись крестоносцы. В понто-анаатолийском мире, который уже потерял свое могущество, главная борьба развернулась между турками и норманнами латинской веры.

Византийский дух Владимира Мономаха

Всеволод I был образованным монархом; говорили, что он знал пять языков и поддерживал тесные связи с Византией и западным миром. Он женился на дочери императора Константина Мономаха; его сын Владимир стал мужем дочери Харальда Хардрада⁴. Свою дочь Евпраксию (Аделаиду) он выдал за германского императора Генриха IV (хотя она и не была счастлива в браке).

Владимир, получивший прозвище Мономах в честь своего греческого деда, был воспитан в атмосфере византийской культуры. Отец и сын разделяли политические концепции императорского двора и мечтали о создании нового государства, которое должно было заменить старую варяжскую торговую олигархию князей, получивших воспитание в течение X и XI вв.

В период правления Владимира Мономаха в 1100–1120 гг. два просвещенных киевских монаха, Нестор и Сильвестр, создали летопись, которая известна под названием Повесть временных лет. Эта летопись представляет собой описание событий с давних времен до начала XII в., основанное на более древних летописях и легендах, которые передавались нашими предками из уст в уста. Весь этот материал был обработан в определенном духе и в соответствии с конкретными идеями. Ученые авторы поставили перед собой задачу объяснить, «откуда пошла Русская земля». Они включили в летопись легенду об апостоле Андрее, который пришел на Киевские холмы и предсказал их судьбу. Указав своим ученикам на правый берег Днепра, святой Андрей якобы воскликнул: «Видите ли горы эти? На этих горах возсияет благодать Божия!» С конца XI в. стали официально считать, что на городе киевских великих князей почитают Господня благодать. Рассказ о «происхождении Русской земли» составлен таким образом, чтобы укрепить престиж князей из рода Рюриковичей как единственной законной династии, поскольку именно они создали Русское государство. Повесть временных лет стала официально одобренным описанием истории Киевской Руси. Ее окутывал сильный аромат «божественности», приписываемый Византийской империи. Он же начал пропитывать и одежды потомков пиратов-торговцев, которые пришли с севера и стали русскими «конунгами». Историк Шахматов, который посвятил всю свою жизнь изучению русских летописей, писал, что «рукой летописца водили политические страсти и мирские интересы». И совершенно прав Одинец, называвший ученых киевских монахов предшественниками официальных политических мыслителей Московской монархии XV и XVI вв., которые обнаружили, что Москва является Третьим Римом и что родословную московских царей можно проследить до римского императора Августа (*Шахматов А. Розыскания о древнейших русских летописных сводах; а также его издание Повести временных лет, снабженное критическими замечаниями. СПб.*).

Политические концепции киевского двора в начале XII в. находились под сильным влиянием римско-византийских идей о божественном происхождении монархии. Этой теории соответствовала и практическая деятельность великого князя. Русские князья в конце XI в. начали потихоньку оказываться от «лествичного права» наследования престола, установленного Ярославом Мудрым. Отдельные территории Русского государства стали переходить в полное владение различных княжеских семей, и был установлен новый порядок наследования – либо от отца к сыну, либо по воле умиравшего правителя княжества. Киев перешел в полное владение Владимира Мономаха, его сыновей и внуков Мономашичей (*Пресняков А. Княжеское право в Древней Руси*).

В конце XI в. Владимир Мономах был еще в начале своей карьеры. В качестве путешествовавшего князя в рамках системы, установленной Ярославом, он правил Суздальской зем-

⁴ По другим сведениям – Гарольда Годвинссона.

лей, где в 1108 г. основал город Владимир, а также сидел в Чернигове и Переяславе и защищал эти города от половцев⁵.

На примере Владимира Мономаха, ставшего великим киевским князем, можно увидеть, какой опасной была жизнь русских государей в ту эпоху. Девятнадцать раз ходил он на половцев и столько же раз заключал с ними мир. Владимир защищал не только русскую торговлю, но и русских крестьян. Он ходил на половцев с большим войском и разорял лагеря этих кочевников, убивал их вождей, брал в плен их воинов и угонял у них скот и коней. Он был дилетантом с точки зрения формальной и богатой культуры Византии, зато умел бить степняков. На какое-то время ему удалось отогнать их назад, в степь (после битвы у Сальницы в 1111 г.)⁶.

В те же самые десятилетия крестоносцы совершали свои походы в Иерусалим; турки-сельджуки были изгнаны из западной части Малой Азии; кочевые племена отбросили от кавказских земель, где быстро поднялось Грузинское царство Давида Восстановителя. Никогда еще до этого не терпели алтайские народы такого сильного разгрома по всему фронту.

При Владимире Мономахе Киевское, Черниговское и Переяславское княжества были избавлены от половецких набегов. К концу жизни он объединил все эти земли под своей властью. Его государство больше походило на настоящую военную монархию, чем государство Ярослава (*Васильев А. История Византийской империи. Т. I*).

В 40-х гг. XII в. после смерти Мстислава, сына Владимира, снова вспыхнули княжеские междоусобицы и в южнорусских землях воцарилась анархия. Борьба за киевский престол шла уже не только между Мономашичами и Ольговичами (наследниками Олега Черниговского, сына Святослава II), но и между сыновьями самого Владимира Мономаха. Был установлен новый порядок наследования, но теперь киевский трон можно было захватить и силой. Чтобы утвердиться в Киеве, не требовалось предъявлять законных или надуманных прав на великокняжеский стол, достаточно было обзавестись союзниками или наемниками – русскими, венгерскими, польскими или половецкими.

Новый порядок наследования ввели для того, чтобы объединить русские земли, но на практике он привел к ослаблению связей между ними. Основой союза русских городов стали торговля и совместное использование торговых путей.

Когда же русские города приобрели земли, которые начали передавать по наследству княжеским семьям, союз постепенно превратился в абстрактную идею, часто противоречившую интересам князя.

К середине XII в. Новгород, отчаявшись установить строгий порядок на юге Руси, устал от постоянных недоразумений на «пути в греки» и, несомненно проинформированный о том, какая судьба ждет Византийскую империю, несмотря на все усилия Комнинов возродить ее прежнее величие, стал искать другие пути для своей торговой деятельности. Новгородцы, храбрые и энергичные первопроходцы, начали исследовать и заселять северные и восточные земли – вдоль Северной Двины, среднего течения Волги, Камы и Вятки. Они основали Нижний Новгород⁷, Вятку, Пермь – все это были новгородские колонии. На западе они завязали тесные связи с ганзейскими городами, активно торговали с Любеком и превратили свой город в один из центров торговли с Германией, равный по значимости Бергену, Брюгге и Лондону.

⁵ Владимиру Мономаху досталось по наследству от отца Переяславское княжество и Ростовская земля, в состав которой входил и Суздаль. Эта земля была его вотчиной, то есть наследственным владением. Он княжил в Переяславе, лишь изредка навещаясь в Ростовскую землю, где в конце XI в. посадил своего малолетнего сына Юрия – будущего князя Юрия Долгорукого. В 1113 г. Владимир Мономах стал великим киевским князем. Юрий до 1125 г. княжил в Ростове, а после смерти отца, последовавшей в том же году, переехал в Суздаль.

⁶ Владимир Мономах считал, что русским князьям необходимо налаживать союзнические отношения с половцами, поэтому он женил своего сына Юрия на половецкой княжне, дочери хана Аепы.

⁷ Нижний Новгород никогда не был колонией Великого Новгорода. Его в 1221 г. основал великий владимирский князь Юрий Всеволодович на землях Владимиро-Суздальского княжества.

Во второй половине XII в. Новгород стал гораздо богаче Киева. В это время в нем было сооружено не менее двадцати прекрасных церквей, украшенных фресками и иконами, – среди них такая жемчужина русского зодчества, как собор Юрьева монастыря. Знаменитый город Псков, который называли «младшим братом Новгорода», возник в результате обращения Новгорода на запад. Оба города упорно держались за «старый порядок», южные традиции и ответили на монархические нововведения Мономашичей созданием у себя торговых республик. «Господин Великий Новгород» ограничил права своего князя, которому не позволялось даже жить в городе. Без разрешения веча он не имел права начинать войну, назначать своих посадников в города Новгородской земли, приобретать земли для себя и своих людей. Не имел он и права вносить изменения в торговые соглашения с немцами. Новгородское вече в 1156 г. отказалось принимать к себе назначенного киевским митрополитом епископа, а стало выбирать его самостоятельно.

Конец Киевского государства

В 1169 г. владимирский князь Андрей Боголюбский послал на Киев огромное войско, взял город штурмом и отдал его своим воинам на разграбление. Победители, по словам летописца, «не жалели ни церквей, ни женщин, ни детей». В результате этой победы Андрей Боголюбский стал великим князем, но жить в Киеве не захотел. Он вернулся в свой любимый Владимир, расположенный на северо-востоке.

Украинские историки конца XIX – начала XX в. (Хрущевский, Дорошенко и др.), стремившиеся доказать, что различия между Южной и Северной Русью появились еще в глубокой древности, и противопоставлявшие Великую Русскую Московию Южной Украинской Руси, придавали этому событию слишком большое значение. «Эта борьба показала, что между украинцами и великороссами существует национальная рознь», – писал Дорошенко. Если верить этому историку, Андрей Боголюбский уже в юности «не хотел жить на Украине, потому что ненавидел свободолюбивый украинский народ». Подобные интерпретации истории крайне тенденциозны и не вносят никакого вклада в выяснение исторической истины.

Русские историки несут определенную ответственность за то, что у украинцев сложился подобный взгляд на взаимоотношения Киева и Владимиро-Суздальской Руси.

Вот что пишет Ключевский об Андрее Боголюбском: «Это был настоящий северный князь, истый суздадец-залешанин⁸ по своим привычкам и понятиям, по своему политическому воспитанию», «Андрей скоро выделился из толпы тогдашних южных князей особенностями своего личного характера и своих политических отношений». Если проанализировать его деятельность и политические взгляды, то можно сделать вывод, что Андрей был предшественником будущих великих князей и царей Московских, но особенности его характера вряд ли можно считать типично «северными» чертами, а уж говорить об особой «суздальской идеологии», которая противостояла киевской, и вовсе смешно. Да, это правда, что Андрей вырос на севере, но он был сыном Юрия Долгорукого, одного из сыновей Владимира Мономаха, и поэтому являлся истинным Мономашичем. Юрию Владимировичу в течение долгих лет пришлось управлять Суздальской землей, вотчиной своего отца; благодаря его правлению эти земли приобрели новое значение. Однако всю свою жизнь Юрий Долгорукий боролся за обладание Киевом и успокоился только после того, как уселся на киевский престол⁹.

В течение XII в. жители южных земель переселялись на север, и гражданская война, которую Юрий вел со своим племянником Изяславом, только усилила эту миграцию. Некоторые крестьяне уходили в суздальские земли вместе с войсками, другие покидали Черниговское и Переяславское княжества из-за княжеских междоусобиц, которые сопровождались набегами половцев, разорявших и убивавших крестьян. Началось быстрое заселение суздальских земель; строились новые города, многие из которых получили «южные» имена (на севере существовало два Переяславля – Переяславль-Рязанский и Переяславль-Залесский. Переяславская земля сильнее всего страдала от половецких набегов, поэтому больше всего переселенцев было именно отсюда). Приходя на север, переселенцы в память о своей родине называли здешние реки именами южных рек¹⁰. Очень странно, что украинские историки игнорировали внушительные размеры миграции населения в суздальские земли. Они отказывались признавать, что среди населения Северо-Восточной Руси находилось очень много переселенцев с юга.

Когда Юрий воевал с Изяславом за обладание Киевом, среди его союзников были и южные князья, а войска из южнорусских земель участвовали в разграблении «матери городов

⁸ Залешанин – житель Залесской земли, то есть расположенной «за лесами».

⁹ Прокняжил в Киеве недолго – в 1157 г. его отравили на пиру.

¹⁰ Например, Лыбедь и Рпень – во Владимире, Трубуж – в Переяславле-Залесском, Почайна – в Нижнем Новгороде.

русских». Одним из союзников суздальского князя был типичный «южный» князь Владимирко – основатель города Галича и Галицкого княжества (Галиции). Юрий выдал свою дочь за его сына Ярослава. Таким образом, галицкий князь Ярослав Осмомысл, сыгравший в свое время большую роль в политике крайнего юго-запада Руси, был женат на родной сестре Андрея Боголюбского. Семьи этих двух союзников по борьбе связывала крепкая дружба, и Андрей Боголюбский еще при жизни отца и своего пребывания в Вышгороде гостил при галицком дворе.

Несмотря на то что одно княжество находилось на юге, а другое – на севере, Суздаль и Галицию объединяли общие условия развития. В обоих княжествах жили работники, которые переселились сюда из Черниговской и Переяславской земель, спасаясь от грабительских набегов половцев. В этих княжествах постоянно возрастала роль сельского хозяйства, а торговля хирела из-за того, что центры славянской власти находились вдали от главных речных торговых путей, вече умирало, коммерческая аристократия исчезала и вместо нее росло число крупных землевладельцев.

В конце концов суздальские бояре убили Андрея Боголюбского (его мощи со следами нанесенных ими ран хранятся в Успенском соборе Владимира). Со своей стороны, своеволие галицких бояр навлекло на Галицкое княжество множество бед. Что касается политических идей Андрея Боголюбского, то надо отметить, что они не относятся ни к южным, ни к северным идеям; они возникли в семье его деда, которого не случайно называли Мономахом. Это были византийские концепции в том виде, в каком их понимали в Киевской Руси, когда варяжский образ жизни сменился византийским. И вовсе не просто так Андрей мечтал перевести митрополию из Киева во Владимир-на-Клязьме, ибо в соответствии с византийскими представлениями высший иерарх церкви должен жить при правящем государе и поддерживать его политику. Андрей воевал с Киевом не потому, что это был южный город, а потому, что он не хотел ему подчиняться. Андрей боролся и с новгородским вечем (весьма неудачно), но украинским историкам не пришлось в голову включать новгородские владения в украинские земли. Андрей Боголюбский угнетал даже старые торговые города своего княжества (например, Ростов) и предпочитал им новые – особенно свой родной Владимир.

Во времена правления Андрея и его преемников владими́ро-суздальские города украсились новыми храмами с фресками, иконами и даже барельефами, выполненными самыми талантливыми византийскими мастерами эпохи Комнинов. Однако мечты «византийца на русской почве» оказались несбыточными: ему не удалось объединить русские земли, поскольку исторические процессы не зависят от воли человека. Страну разоряли опустошительные набеги половцев вместе с княжескими междоусобицами, а это, в свою очередь, привело к тому, что великие торговые пути были заброшены и Киев перестал быть столицей государства. Под давлением сил, направленных против него, старые «меридиональные» связи между Киевом и Новгородом к концу XII в. разрушились. Этими силами, действовавшими в «широком» направлении, были набеги половцев (давление алтайских кочевников с востока) и торговые инстинкты новгородцев, которые отвернулись от юга и обратили свое внимание на запад и восток. Наиболее умные из русских князей хорошо понимали, какую трагическую роль играли на Руси половцы. Один из них предложил русским князьям объединиться и совместными силами разгромить кочевников, отметив, что «поганые захватывают теперь даже наши старые торговые пути».

Важно отметить, что самая знаменитая поэма средневековой Руси Слово о полку Игореве посвящена неудачному походу русских войск на половцев, который предпринял Игорь, один из князей Черниговской земли. Написанная в конце XII в., эта поэма посвящена главной идее той эпохи – объединению русских земель, которая придает Повести героический пафос. Известный автор призывает объединиться против общего степного врага всех русских князей – в первую очередь, самых могущественных владык того времени: Всеволода Большое Гнездо, владимирского князя, воины которого могли «Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами

вычерпать», и Ярослава Осмомысла, который «подпер горы Венгерские своими железными полками» (речь идет о Карпатах), «заступив королю путь, затворив Дунаю ворота». Но «ты отворяешь Киеву врата», – обращался он к Ярославу Осмомыслу, напоминая русским князьям об их долге перед Русью. Автор Слова не делал различий между южными и северными князьями. Он хорошо знал, как обстояли дела в Киеве (в 1203 г. он во второй раз подвергся жестокому разграблению – на этот раз «северяне» в нем не участвовали).

Однако киевская идея объединения всей Руси еще сохраняла свою силу – за 20 лет до вторжения монголов.

Ту же самую идею разделял и русский паломник середины XII в. игумен Даниил, который прибыл из Чернигова в Иерусалим и обратился к королю Балдуину с просьбой зажечь лампу на Гробе Господнем во имя всей Русской земли, всех русских князей и всех христиан.

«Повсюду идет разговор о Русской земле, и повсюду говорят о русских людях», – пишет Ключевский, объясняя характер идеальной концепции о единстве Руси. В IX–XII вв. Русская земля жила единой жизнью в той мере, в какой это позволяли географические и экономические условия. В начале XIII в. эти условия сделались неблагоприятными для этого союза, опиравшегося на речную сеть и ее «меридиональное» звено – путь «из варяг в греки». *Внутренний* «жизненный нерв», проходивший по линии Новгород – Киев, ослабел, а *внешний* «жизненный центр», который всегда подпитывал Русь энергией и консолидировал ее, был сокращен разными бедами. В 1204 г. крестоносцы овладели Константинополем и разграбили его. Создание франко-норманнской династии в Византии, которая оказалась нежизнеспособной, позже привело к распаду восточнохристианского мира. Турки и монголы, французы, каталонцы, венецианцы, генуэзцы боролись за обладание осколками цивилизации, которой был нанесен смертельный удар.

В условиях анархии, воцарившейся в Понто-Анатолийском регионе, главный экспортный рынок, на который везли товары из русских городов, прекратил свое существование. Русские князья и русская церковь лишились поддержки Второго Рима. Была полностью уничтожена культурная база православной Руси, этой проекции восточнохристианского мира. Необходимо было искать новые ориентиры.

XIII в., блистательная эра для средневекового Запада, стал для Руси временем величайшей исторической катастрофы. Около 1220 г. началось новое нашествие алтайских кочевников. Под предводительством Чингисхана монголы сокрушили тюрко-иранскую империю сельджуков в Туркестане; разгромили Иран; после одной-единственной битвы уничтожили сильное царство тогдашней Грузии и, обогнув Каспийское море с севера, появились в степях, которые тянутся к северу от Кавказского хребта.

Шпенглер подчеркивал единство византийской и ираноисламской цивилизаций. Турки-сельджуки и норманны в XI и XII вв. разрушили гражданскую жизнь на всей территории восточной части великой культурной зоны, протянувшейся от Адриатики до Индийского океана. Сначала пришли сельджуки, который нанесли первый удар, а потом из стран Западного Средиземноморья и Дунайских стран явились крестоносцы. На втором этапе норманны овладели Константинополем, а через 30 лет после этого монголы начали свой великий поход на Запад. Вокруг этой странной цивилизации, которая уходила корнями «в самые древние обрабатываемые земли», располагался внешний мир – «внешний пролетариат», как удачно назвал его Тойнби. В течение четырех веков существовало две группы народов, которые, не задумываясь о будущем, смели с лица земли эту древнюю цивилизацию, чтобы освободить место для новой, еще неизвестной. Эти две группы составляли: викинги (морские разбойники, потомки которых, норманны, научились позже грабить и сушу) и алтайцы (сухопутные конные грабители, которые так и не почувствовали вкуса к морским сражениям). Остатки прежнего великого византийско-исламского мира можно найти во второстепенных «народных государствах» Балкан и Среднего Востока нашего времени.

Русская часть восточно-христианского мира была сокрушена точно так же, как ее двойник, скифо-понтийские города-государства, которые погибли вместе с падением эллинистической цивилизации.

Когда севернее Кавказа появились монголы, половецкие князья обратились за помощью к русским князьям, и навстречу врагу вышло соединенное войско нескольких князей. Оно проследовало по древнему торговому пути, который шел к Азовскому морю и соединял Киев с Тьмутараканью. Конница двигалась по берегу Днепра, а пехотинцы плыли на лодках. Галицкое ополчение спустилось по Днестру в море, а потом поднялось вверх по Днепру. Соединенное русское войско пересекло степи, двигаясь вдоль левых притоков Днепра, и вышло к реке Калке, которая сейчас называется Кальчик, приток реки Кальмиус. Эта река впадает в Азовское море. В битве на берегах Калки в 1223 г. русские потерпели сокрушительное поражение.

Однако этому разгрому не придали особого значения; «Мы не знаем, откуда они пришли и куда исчезли», – пишет о монголах автор Тверской летописи. На самом деле они отошли за Волгу и через несколько лет после смерти Чингисхана (1227) решили возобновить свой поход на Запад. В 1236 г. Батый разорил земли Камской Болгарии, а на следующий год его орды вторглись в Рязанскую землю. Монголы взяли Рязань и вырезали почти всех ее жителей. Та же судьба ждала и северовосточные города. Великий князь Юрий, который правил в то время во Владимире, был разбит и погиб в битве на реке Сити. Из-за мощного снежного покрова и приближавшегося половодья Батый не дошел до Новгорода, Пскова, Смоленска и Полоцка. Он повернул на юг и опустошил Переяславль, Чернигов и другие города. В 1240 г. пришел черед Киева, которым в ту пору от имени галицкого князя правил боярин Дмитрий. Киев был разрушен практически до основания, а те немногие жители, которым удалось спастись, бежали. Город некоторое время оставался заброшенным. Монголы пошли отсюда на запад; они опустошили Волынь, Галицкое княжество, Польшу и Венгрию. Их удалось остановить только в Силезии, в Лигнице – соединенным войском немецкого, чешского и польского королей.

Русское государство, возникшее в XI–XII вв., перестало существовать. «С этого времени, – писал Шмурло, – Русская земля превратилась в татарский *улус*». За Волгой, на древних землях хазар, возникло Кипчакское государство, состоявшее из монгольских и более древних половецких элементов.

Дату разрушения Киева монголами можно считать датой окончания периода, когда север и юг России соединяли в единое целое «меридиональные» силы. В XIII в. давление с востока сделалось несопоставимо более мощным и оно сокрушило речные княжества России. Противодействие давлению с востока пришло, естественно, с запада. Но западные силы, как и восточные, действовали в «широтном» направлении и препятствовали всем попыткам возродить «меридиональное» развитие.

Примечания и дополнения к главе 1

Кочевники и Киев

Для того чтобы понять, какую роль сыграли алтайские кочевники в истории России, необходимо прочитать прекрасную книгу Босуэлла. Лишь арабы и грузины называли кипчаков этим именем. Первый раз оно встречается в западных источниках в произведении Эдризиды, который после подробного описания войны говорит о кипчаках в Азии. Греки называли кипчаков «команами», саксы Трансильвании – «вальви» или «фальбен» – «желтыми людьми». Русские прозвали их половцами; некоторые филологи считают, что это имя произошло от слова «полова» (палева), но большинство убеждено, что в основе этого слова лежит корень «поле». Тюркское слово «кипчак» означает «люди степи или поля» (этих кипчаков следует отличать от кипчаков Золотой Орды).

Основные факты куманской истории нам ясны, и их значение трудно переоценить. Трудно понять, как монголам удалось дойти до Центральной Европы, если не знать, что большая часть Восточной Европы была населена тюркскими народами, доброжелательно встречавшими знаменитых захватчиков, которые имели схожие туранские традиции кочевой жизни, отличались жадностью и были объединены властью деспота.

Босуэлл писал, что «Киевские, Переяславские и Черниговские земли располагались неподалеку от южной границы и постоянно подвергались набегам тюрков. Во время своих периодических миграций на север и на юг они обнаружили, что богатые пастбища Озу, как они называли Днепр, подходят им больше всего; в плодородных степях вверх по реке они нашли русских, которые закрепились на этой земле и занимались сельским хозяйством. Вечная борьба между оседлыми и кочевыми народами в этом регионе была долгой и упорной, и кипчаки стали считать столицу этой земли Менкерман, „великий город“ (как они называли Киев), центром своего мира».

После побед Владимира Мономаха, по мнению Босуэлла, большое число кочевников покинуло степь и поступило на службу к русским князьям. Они расселились по всей Переяславской земле и, частично, по Черниговской:

«По тюркскому обычаю эти мелкие племена вскоре объединились в новый тюркский союз и стали называть себе каракалпаками или черными клобуками...

Они стали играть важную роль в политической жизни Руси; мы узнаем, что князя избирали не одни только русские, но „вся русская земля и черные клобуки“. Мы не можем точно сказать, чем было вызвано массовое переселение русских крестьян на северо-восток – мирным проникновением этих варваров или военными набегам кипчаков. В жестокой междоусобной борьбе XII в. для русского князя эти подвижные всадники считались более ценными подданными, чем миролюбивые русские крестьяне. Изменившиеся условия на границе особенно ярко продемонстрировало вторжение хана черных клобуков Кунтувдея в русский удел на реке Рось. И наконец, во времена монгольского нашествия жил некий Изяслав Черниговский, который являлся вождем чисто тюркского происхождения. Этот процесс был неизбежен, и нет никаких сомнений в том, что русский элемент на юге сильно ослабел еще до монгольского нашествия... Помимо древних городов вроде Тьмутаракани, Олешья, Херсона и Кафы, которые когда-то были славянскими, а потом превратились в греческие и генуэзские, мы видим увеличение смешанного населения в степи, подобно тому как в более поздние времена здесь росло число казаков. Князья Берлада, Болхова и Бронников в верховьях Дона и в Молдавии возглавляли полуславянские сообщества людей с примесью тюрков, румын и других национальностей».

О русских летописях

Летописи появились на Руси в очень давние времена. Самый древний Киевский свод датируется 1039 г., а Новгородская летопись – 1017 г. Древнейшая польская хроника появилась в конце XI в., а венгерская – в XIII веке. Старейшие русские летописи известны только в списках более поздних времен: Лаврентьевской летописи 1377 г. и Ипатьевской – первой четверти XV в.; в последней описание событий в Южной Руси доведено до 1292 г.

О монгольском нашествии

Монгольское нашествие было описано в «Слове о погибели Русской земли». К сожалению, сохранился лишь небольшой фрагмент этой повести. Она написана в духе Слова о полку Игореве.

Глава 2

Русско-Литовское государство и происхождение украинского вопроса (1240–1569)

Восточная Европа после монгольского нашествия

Монгольское нашествие XIII в. произвело революцию в жизни людей, сравнимую лишь с изменениями, вызванными появлением ислама и захватами арабов в VII в. Но если влияние арабов на жизнь Западной Азии пробудило в ней новые силы, которые привели к ее расцвету и помогли сохранить свое главенство в тогдашнем мире, то монгольский *буран* смел все, что лежало у него на пути.

Господство Западной Европы в мировой истории началось именно после разгрома, учиненного этим последним натиском алтайских кочевников в Западной Азии и Восточной Европе. Несмотря на ужас, который внушали Западу орды Батыя, лидеры христианского мира хорошо понимали, какие возможности открылись перед ними, когда исламский мир получил сильнейшее потрясение, а православные страны были уничтожены.

Дипломатические посольства западных королевских дворов с помощью дальновидных латино-армянских правителей вроде Хейтона искали союза с монголами в борьбе против последнего оплота ислама в Египте. Венецианцы и генуэзцы, вечно голодные соперники, быстро вытеснили греков из причерноморских земель, захваченных монголами, а древние аванпорты русско-византийской торговли в устьях Днестра, Днепра и Дона превратились в штаб-квартиры купцов из итальянских городов. Меридиональный путь «из варяг в греки» прекратил свое существование, но исследования путешественников, вроде представителей семейства Поло, открыли путь для широтного экономического развития, который, благодаря великолепной системе связи, созданной монголами, позволил осуществлять торговлю от города «Камбалу» до Босфора.

Не замедлило поддержать коммерческую деятельность итальянских торговых городов и папство. Однако все усилия обратить монгольских правителей в христианство в конце концов потерпели крах, и выродившиеся потомки Чингисхана стали защитниками ислама, который они когда-то разгромили, и патронами блестящего периода мусульманской живописи, которая, словно чудесный цветок, неожиданно расцвела на руинах прежнего мира.

Однако папство одержало успех в борьбе с восточным христианством. Когда банк Святого Георгия в Генуе открыл *Officium Ghazarie* («Хазарское отделение», совмещавшее в себе функции Ост-Индской компании и Индийского министерства), стремясь монополизировать черноморскую торговлю, папа создал кафедру архиепископа в Кафе, которой подчинялись все территории от Варны в Болгарии до Сарая на Волге, и епископство Сухумское (где первым епископом стал англичанин) и Тифлиса, поставив перед ними задачу привести непокорных грузин в лоно Римско-католической церкви.

На земли, опустошенные монгольским нашествием, которые простирались от Балтики до Черного моря, начало проникать влияние латинского Запада. На равнинах, покрытых полями и лесами, по которым протекали Висла и Неман, славянские племена в XI в. были объединены Болеславом I из рода Пястов в свободную федерацию княжеств, составивших Польское королевство. В Польше, реки которой впадали в Балтийское море, как и в «речном» Киевском княжестве, определенную роль играли скандинавские воинские дружины. Германско-латинское влияние в древней польской истории можно сравнить с византийско-православным влиянием на Киев.

Однако германско-латинское воздействие оказалось гораздо сильнее. Влияние Византии проявлялось в коммерции и культуре, оно представляло собой медленное просачивание утонченной, биологически стерильной цивилизации. Немцы контактировали со славянами как жители приграничной зоны, как молодые и энергичные люди, сами еще совсем недавно избавившиеся от варварства. Это было движение народа, который нес с собой зачатки культуры;

они не знали рафинированных, высушенных догм, оказывавших сильное влияние на идеологию Московии еще несколько веков после падения Византии. Немцы искали землю, на которой можно было бы поселиться и установить свой германский порядок. Они оказались гораздо опаснее греков, стремившихся лишь к одному – обогатить свой великий город.

В XI в. Польша, подобно Южной Руси, проходила через тот период анархии, который был характерен для определенной стадии развития всех средневековых стран; союз, созданный Болеславом I, продержался недолго. В то же самое время в Германии росло недовольство крестьян, которые в результате уходили на восток в поисках новых земель. Одновременно с этим крестоносный «империализм» правителей вроде Альберта Медведя и Генриха Льва превращал славянские земли между Эльбой и Вислой в немецкие восточные марки. Язычники – славяне и балты – сопротивлялись этому процессу с упорством и ожесточением, которое можно было сравнить лишь с настойчивостью и жестокостью захватчиков-германцев. Так в течение нескольких веков противоборства выковалась пресловутая жестокость немцев.

Славяне, жившие на Висле, ответили на германский натиск созданием Польского государства. В начале XIII в. более примитивные балтийские племена, вытеснявшиеся со своих земель немцами, сделали то же самое. Дикие племена литовцев, жившие в лесах по берегам Немана, самые последние и упорные язычники Европы, создали государство, которое в течение трех последующих веков было странным и уникальным явлением в истории Восточной Европы. В тот же самый период на побережье Балтики появились немецкие рыцарские ордена, Тевтонский и Ливонский, созданные по образцу западных орденов. Их целью было оттеснить язычников в самые отдаленные леса. Жестокие рыцари, которых поддерживали император и папа, несли германскую власть и латинское христианство в необъятные лесные просторы северной части Восточно-Европейской равнины.

Именно в это время монголы сокрушили русские княжества и разорили православные земли, которые ориентировались на Византию, совсем недавно попавшую в руки латинян. Монголы бросились разорять Польшу, и Польское королевство, последнее организованное славянское государство, обезлюдело. Его постигло несчастье, сравнимое по силе с несчастьем, обрушившимся на русские земли.

«Главным результатом этого оскудения людьми стал огромный приток немцев. Казалось, что поляки вскоре совсем исчезнут, зажатые, словно в тисках, между германцами, шедшими с запада и севера, и периодическими, но разрушительными набегами литовцев и азиатских кочевников с востока», – писал Босуэлл («Польша»).

Поляки оказались в отношении немцев точно в таком же положении, что и уцелевшие русские княжества в междуречье Волги и Оки по отношению к монголо-татарской Золотой Орде, раскинувшейся на обширной территории кипчакской степи между Днепром, Уралом и Кавказом. Именно в эту эпоху и возникло коренное отличие поляков от восточных славян. Поляки не поддались влиянию германцев, но впитали в себя германо-латинскую культуру средневекового христианского мира, имевшего большую долю германской крови. Московское же государство, возвысившееся с упадком Золотой Орды, создали люди, в чьих жилах текла большая часть алтайской крови, которые были «заражены» азиатскими представлениями о жизни.

«Германцам удалось онемечить Нижнюю Силезию, но в самой Польше они были постепенно поглощены поляками, – уточнял Босуэлл. – Немецкие крестьяне принесли с собой более совершенные способы обработки земли и заключали с землевладельцами определенные соглашения, которые давали им некоторую автономию. Польские крестьяне, пользуясь тем, что в стране ощущался сильный недостаток рабочих рук, последовали их примеру, и для них наступил период процветания и свободы. Немцы также селились в городах, где в рамках Магдебургского права, которое действовало несколько веков, пользовались автономией. Они создали средний класс, чье процветание зависело от торговли с Востоком, шедшей через Краков... Немцам, таким образом, не удалось колонизировать Польшу, за исключением лишь Нижней

Силезии; однако Тевтонский орден продвинулся довольно далеко в прибалтийские земли, и к 1238 г. пруссы были практически полностью истреблены германцами, которые взяли себе их имя и основали государство, отрезавшее Польшу от моря».

Во время первого десятилетия XIV в. Польское королевство возродилось под руководством Владислава Короткого (Локетек), а его сын, Казимир Великий, превратил Польшу в мощную восточноевропейскую державу. «Самыми значительными событиями этого правления, – продолжал Босуэлл, – были требование возвратить Польше Померанию и Силезию (1355) и захват Галиции в 1340 г. Это стало поворотным пунктом в польской истории. Она отступила под давлением германской агрессии на запасные рубежи, а последующий распад империи позволил ей продержаться до усиления Пруссии в XVIII в.; польские короли взяли курс на экспансию на юго-восток, который помог ей включить в свой состав большую часть малороссийских земель и открыл пути для контактов с Москвой, Турцией и крымскими татарами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.